

# Любимые поэты





# БЕЛА АХМАДУЛИНА



А напоследок я скажу...

Издательство АСТ  
Москва

УДК 82-1  
ББК 84(2Рос=рус)6-44  
А95

Дизайн серии *Анны Якуниной*

В оформлении книги использованы  
рисунки *Бориса Мессерера*

**Ахмадулина, Белла Ахатовна**

А95 А напоследок я скажу... / Белла Ахмадулина. —  
Москва : Издательство АСТ, 2022. — 224 с. —  
(Любимые поэты)

ISBN 978-5-17-146560-5

Белла Ахмадулина — поэт уникальный. Для ее лирики характерны возвышенная лексика, метафоричность, изысканная стилизация «старинного» слога, музыкальность и интонационная свобода. Вспомним всем известные стихи «А напоследок я скажу...», «О, мой застенчивый герой...», «По улице моей который год...», «Влечет меня старинный слог...» «В ее голосе вибрировал звук донельзя натянутой струны, становилось даже боязно, не оборвется ли», — очень точно сказал о Белле Ахмадулиной Евгений Евтушенко.

Выступления Ахмадулиной собирали полные залы, площади, стадионы. Она выпустила свыше 33 поэтических сборников, хотя считала, что надо думать не о книгах, а о том, чтобы не провиниться перед своей совестью, перед чистотой звука.

Настоящая книга проиллюстрирована графическими портретами Ахмадулиной, выполненными ее мужем, художником Борисом Мессерером.

**УДК 82-1**

**ББК 84(2Рос=рус)6-44**

ISBN 978-5-17-146560-5

© Б.А. Ахмадулина (наследники), 2022

© Б.А. Мессерер, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

# Еще жива, еще любима





\* \* \*

Ни слова о любви! Но я о ней ни слова,  
не водятся давно в гортани соловьи.  
Там пламя посреди пустого небосклона,  
но даже в ночь луны ни слова о любви!

Луну над головой держать я притерпелась  
для пущего труда, для возбужденья дум.  
Но в нынешней луне — бессмысленная

прелесть,  
и стелется Арбат пустыней белых дюн.

Лепечет о любви сестра-поэт-певунья —  
вполглаза покошусь и усмехнусь вполрта.  
Как зримо возведен из толщи полнолуныя  
чертог для Божества, а дверь не заперта.

Как бедный Гоголь худ там, во главе бульвара,  
и одинок вблизи вселенской полыньи.  
Столь длительной луны над миром не бывало,  
сейчас она пройдет. Ни слова о любви!

Так долго я жила, что сердце притупилось,  
но выжило в бою с невзгодой бытия,  
и вновь свежим-свежа в нем чья-то власть  
и милость.

Те двое под луной — неужто ты и я?

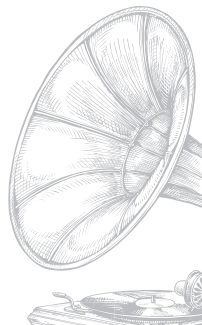
1973



## Рисунок

*Борису Мессереру*

Рисую женщину в лиловом.  
Какое благо — рисовать  
и не уметь? А ту тетрадь  
с полузабытым полусловом  
я выброшу! Рука вольна  
томиться нетерпеньем новым.  
Но эта женщина в лиловом  
откуда? И зачем она  
ступает по корням еловым  
в прекрасном парке давних лет?  
И там, где парк впадает в лес,  
лесничий ею очарован.  
Развязный! Как он смел взглянуть  
прилежным взором благосклонным?  
Та, в платье нежном и лиловом,  
строга и продолжает путь.  
Что мне до женщины в лиловом?  
Зачем меня тоска берет,  
что будет этот детский рот  
ничтожным кем-то поцелован?  
Зачем мне жизнь ее грустна?  
В дому, ей чуждом и суровом,  
родимая и вся в лиловом,  
кем мне приходится она?



Неужто розовой, в лиловом,  
столь не желавшей умирать, —  
все ж умереть?  
А где тетрадь,  
чтоб грусть мою упрочить словом?

1968



## Дом

*Борису Мессереру*

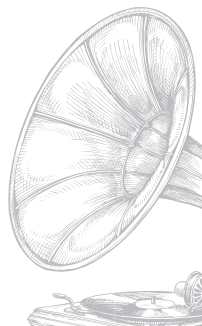
Я вам клянусь: я здесь бывала!  
Бежала, позабыв дышать.  
Завидев снежного болвана,  
вздыхала, замедляла шаг.

Непрочный памятник мгновенью,  
снег рукотворный на снегу,  
как ты, жива на миг, а верю,  
что жар весны превозмогу.

Бесхитростный прилив народа  
к витринам — празднество сулил.  
Уже Никитские ворота  
разверсты были, снег валил.

Какой полет великолепный,  
как сердце бедное несло  
вдоль Мерзляковского — и в Хлебный,  
сквозняк — навывлет, двор — насквозь.

В жару предчувствия плохого  
поступка до скончанья лет —  
в подъезд, где ветхий лак плафона  
так трогателен и нелеп.



Как опрометчиво, как пылко  
я в дом влюбилась! Этот дом  
набит, как детская копилка,  
судьбой людей, добром и злом.

Его жильцов разнообразных,  
которым не было числа,  
подвыпивших, поскольку праздник,  
я близко к сердцу приняла.



Какой разгадки разум жаждал,  
подглядывая с добротой  
неистовую жизнь сограждан,  
их сложный смысл, их быт простой?

Пока таинственная бытность  
моя в том доме длилась, я  
его старухам полюбилась  
по милости житья-бытья.

В печальном лифте престарелом  
мы поднимались, говоря  
о том, как тяжело старым телом  
терпеть погоду декабря.

В том декабре и в том пространстве  
душа моя отвергла зло,  
и все казались мне прекрасны,  
и быть иначе не могло.



Любовь к любимому есть нежность  
ко всем вблизи и вдалеке.  
Пулсиrowала бесконечность  
в груди, в запястье и в виске.

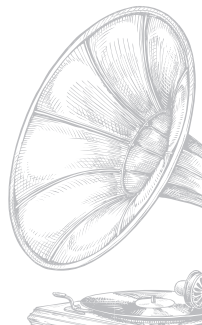
Я шла, ущелья коридоров  
меня заманивали в глубь  
чужих печалей, свадеб, вздоров,  
в плач кошек, в лепет детских губ.

Мне — выше, мне — туда, где должен  
пришелец взмыть под крайний свод,  
где я была, где жил художник,  
где ныне я, где он живет.

Его диковинные вещи  
воспитаны, как существа.  
Глаголет их немое вече  
о чистой тайне волшебства.

Тот, кто собрал их воедино,  
был не корыстен, не богат.  
Возвышенная вещь родима  
душе, как верный пес иль брат.

Со свалки времени былого  
возвращены и спасены,  
они печально и беззлобно  
глядят на спешку новизны.



О, для раската громового  
так широко открыт раструб.  
Четыре вещих граммофона  
во тьме причудливо растут.

Я им родня, я погибаю  
от нежности, когда вхожу,  
я так же шею выгибаю,  
я так же голову держу.

Я, как они, витиевата,  
и горла обнажен проем.  
Звук незапамятного вальса  
сохранен в голосе моем.

Не их ли зов меня окликнул,  
и не они ль меня влекли  
очнуться в грозном и великом  
недоумении любви?

Как добр, кто любит, как огромен,  
как зряч к значенью красоты!  
Мой город, словно новый город,  
мне предъявил свои черты.

Смуглей великого арапа  
восходит ночь. За что мне честь —  
в окно увидеть два Арбата:  
и тот, что был, и тот, что есть?



Лиловой гроздью виснет сумрак.  
Вот стул — капризник и чудака.  
Художник мой портрет рисует  
и смотрит остро, как чужак.

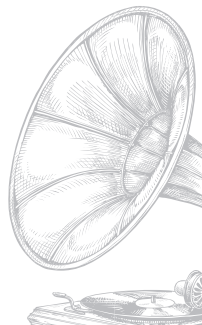
Уже считая катастрофой  
уют, столь полный и смешной,  
ямб примеряю пятистопный  
к лицу, что так любимо мной.

Я знаю истину простую:  
любить — вот верный путь к тому,  
чтоб человечество вплотную  
приблизить к сердцу и уму.

Всегда быть не хитрей, чем дети,  
не злей, чем дерево в саду,  
благословляя жизнь на свете  
заботливей, чем жизнь свою.

Так я жила былой зимою.  
Ночь разрасталась, как сирень,  
и все играла надо мною  
печали сильная свирель.

Был дом на берегу бульвара.  
Не только был, но ныне есть.  
Зачем твержу: я здесь бывала,  
а не твержу: я ныне здесь?



Еще жива, еще любима,  
все это мне сейчас дано,  
а кажется, что это было  
и кончилось давным-давно...

1974

